

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ОККУПАЦИИ

*А.В. Гладышев**

ОККУПАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

История военных конфликтов Нового времени тесно связана с оккупацией: трудно найти державу, которая не была бы в своем прошлом знакома с этим явлением. В военной истории долгое время преобладал событийный подход, а если авторы и обращались к феномену оккупации, то их интересовали ее экономические, правовые или политические аспекты. При этом само понятие «оккупация» было семантически неоднозначно, а исследования по истории оккупаций по большей части касались мировых войн. Развитие военно-антропологических исследований поставило перед исследователями ряд новых вопросов: взаимное восприятия противоборствующих сторон, отражение войны в ощущениях и психических состояниях, видение войны гражданским населением, представления об оккупации в массовом сознании современников и исторической памяти. Тема оккупации приобрела «человеческое измерение». Особенно плодотворным в данном отношении является кросс-культурный подход, включающий в себя поиск общих для разных культур факторов, определяющих эффективность коммуникации в условиях социально-психологического стресса и культурного шока, вызванных военной оккупацией.

Ключевые слова: война, оккупация, интервенция, военно-историческая антропология, кросс-культурный анализ

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-10-21

** Андрей Владимирович Гладышев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национально-исследовательского государственного университета.*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

Изучение войн было с самих истоков появления исторических знаний одной из главных составляющих историописания. Привычно полагать, что традиционный удел военного историка – стратегические и тактические планы полководцев, маневрирование армий, тактико-технические характеристики вооружений, целесообразность тех или иных элементов военной формы, скрупулезный подсчет захваченных трофеев, бесконечные споры о потерях, описания подвигов героев, гневные тирады в адрес предателей и коллаборационистов, неизменное деление тайных агентов на «разведчиков» (своих и хороших) и «шпионов» (чужих и плохих) и т.д., и т.п. Как только исторические труды стали с XIX столетия достоянием широких читательских масс, маршалы взялись за мемуары, а отставные полковники в многостраничных «Историях» принялись судить о замыслах и просчетах генералов и монархов.

Что касается темы оккупации, то на первый взгляд она неразрывно связана с военной проблематикой в целом. Однако у термина имеются и другие значения. Еще в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера под «оккупацией» понимали, с одной стороны, фигуру риторики, ведущую происхождение от латинского *occupare* – «удерживать», «схватывать» (имеется в виду удерживать внимание слушателя). С другой стороны – термин, обозначающий место (жилище), занимаемое арендатором, и время аренды или средство приобретения законных прав на ничейное имущество или имущество врага; способ приобретения права собственности (с XIV в.) на бесхозные или общественные земли и т.д.¹

Со времен Наполеоновских войн умножились случаи, когда военные силы одного государства более или менее длительный период занимали иностранную территорию, а правовые основания такой оккупации и способ ее осуществления становились все более разнообразными: оккупация могла осуществляться вражескими или союзными армиями, силами государства или силами международной полиции, во времена мира или в условиях войны и т.д., и т.п. Возникшие после Первой мировой войны многочисленные конкретные ситуации, связанные с размещением иностранных войск на чужих территориях, и вовсе перестали в силу своего многообразия вписываться в традиционные правовые рам-

¹ В «Энциклопедии» Дидро и Даламбера гораздо большее место отведено термину из области метафизики «ргеоокупация», который, по Мальбраншу, означал беспокойство и озабоченность, мешавшие ясно мыслить.

ки, из-за чего «понятие оккупации внезапно претерпело трансформацию, сделавшую его контуры довольно расплывчатыми. Только один элемент остался неизменным: размещение иностранных солдат на национальной территории»².

Сегодня во французских словарях можно найти вполне нейтральные толкования термина *occupation*, например, в словаре Робера одно из значений этого слова – занятость, деятельность, активность (вне зависимости от того, имеются в виду работа или отдых). И даже если ограничиться применением данного понятия в области современной юриспруденции, то и тогда мы увидим, что оно используется в самых разных областях права, в частности международного, которое разделяет «военную оккупацию» и «мирную оккупацию». Первая подразумевает «временное осуществление суверенитета над территорией другого государства на основе силы» (фактическое владение), вторая – гарантии выполнения определенного обязательства (договорное владение). При этом «оккупация», согласно правоведам, отличается от «интервенции» большей степенью «стабильности» для гражданского населения³.

В России начала XX в. словари иностранных слов Попова, Павленкова и Чудинова толковали «оккупацию» в двух основных значениях: 1) завладение вещами (с переходом или без перехода в собственность); 2) «занятие страны или к[акой-]н[ибудь] местности более или менее продолжительное время войсками того государства, чьи интересы нарушены местным правительством или населением»⁴. Со временем последний подход стал преобладающим: современные отечественные словари чаще акцентируют военный, насильственный смысл «оккупации»: «временное насильственное занятие вооруженными силами государства территории другого государства без приобретения суверенных прав на нее»⁵.

² Подробнее об этом см.: *Debbash O. L'occupation militaire: Pouvoirs reconnus aux forces armées hors de leur territoire national.* P., 1962.

³ *Delbez L. Manuel de droit international public: avec les textes fondamentaux.* P., 1948. P. 311. См. также: *Ликте Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. - М., 1993.

⁴ *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907; *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. Ф. Павленкова.* СПб., 1907; *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Под ред. А.Н. Чудинова.* СПб., 1910.

⁵ *Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов. М., 1998; *Москвин А.Г.* Большой словарь иностранных слов. М., 2007; *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М., 2008.

В современной же исторической литературе с данным термином связаны коннотации, еще более сужающие его значение. Сегодня в массовом сознании и россиян, и французов понятие «оккупация» ассоциируется преимущественно с историей Второй мировой войны. Так, автор одной из современных французских диссертаций уверяет, что в Интернете (очевидно, речь идет о французском сегменте мировой Сети) все вместе взятые упоминания о военных оккупациях времен Людовика XIV, Французской революции, 1814–1815, 1871–1873, 1914–1918 гг. в количественном отношении значительно уступают упоминаниям о немецкой оккупации Франции периода Второй мировой войны⁶.

Между тем, несмотря на «военное» звучание термина, оккупацией занимались далеко не только одни историки войн. Скажем, во Франции XIX в. появилось довольно много локальных публикаций по истории той или иной коммуны, деревни, города или провинции в период иностранной оккупации, последовавшей за прекращением Наполеоновских войн. Однако эту историю оккупированных регионов всё же долгое время застилал пороховой дым великих батальи: сюжеты исследований местных краеведов, да и сами историки-антиквары не могли тягаться в популярности с национальными нарративами и с их именитыми создателями.

В XX в. уже и профессиональные историки приступили к изучению истории оккупации как отдельного и самостоятельного феномена. В качестве примера приведу докторские диссертации Рожэ Андрэ⁷, Андрэ Меркьёля⁸ и монографию Одиль Деббаш⁹. Первого интересовали преимущественно финансовые вопросы, второго – политические аспекты оккупации, третью – поиск во множестве единичных случаев неких констант решения правовой проблемы разделения полномочий между оккупационными властями и местной администрацией, расхождения между положениями международного публичного права и основанной на силе практикой оккупации.

⁶ *Blondeau B.* Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Dombes. Lyon, 2013. P. 3.

⁷ *Roger A.* L'Occupation de la France par les Alliés en 1815 (juillet-novembre). Thèse pour le doctorat (sciences politiques et économiques) de l'Université de Paris. P., 1924.

⁸ *Merquiol A.* Les Occupations étrangères en France au XIX^e siècle. Thèse pour le doctorat en droit de l'Université de Aix-Marseille. Nice, 1944.

⁹ *Debbash O.* L'occupation militaire: Pouvoirs reconnus aux forces armées hors de leur territoire national. P., 1962.

Во второй половине XX столетия были предприняты попытки коллективного осмысления соответствующих сюжетов, как, например, на коллоквиуме 1968 г. в Брюсселе «Оккупанты и оккупированные. 1792 – 1815», посвященном вопросам оккупации Францией территорий других государств в период Революционных и Наполеоновских войн¹⁰. Тон дискуссии задал обобщающий доклад Жака Годшо «Вариации французской политики в отношении оккупированных стран 1792 – 1815 гг.», где среди прочего были затронуты аспекты международного права касательно *насильственной оккупации* других территорий. Однако в целом преобладал страноведческий принцип. Робер Девлесховер посвятил свое сообщение оккупации Бельгии, Вальтер Граб – реакции населения Прирейнских областей на вторжение армий революционной Франции. Жан Сюратто говорил о французской оккупации Швейцарии 1792 – 1814 гг., Пьер Вилар – о сопротивлении испанцев французской интервенции 1794 и 1808 – 1813 гг., Карл Оберман – о наполеоновской оккупации Пруссии 1807 – 1813 гг. Клод Мазорик поделился размышлениями относительно «внутренней оккупации» Вандеи периода Революции.

Показательны те научные проблемы и те направления исследований, которые тогда казались организаторам коллоквиума наиболее актуальными. С одной стороны, вопросы социально-экономической и политической истории: границы оккупационных зон и хронологические рамки оккупации, социальная и экономическая жизнь на оккупированных территориях, официальная политика в отношении оккупации и ее практическое воплощение на местах, эффективность или неэффективность таковой, роль местной полиции и условия службы полицейских, сотрудничество местной администрации с оккупационными властями, налоги и реквизиции, экономические, идеологические, институциональные последствия оккупации и т.д.

С другой стороны, пристальное внимание уделялось историко-психологическим проблемам социальной истории интервенции и оккупации, а именно – как местное население реагировало на присутствие оккупантов, какие чувства и эмоции возникали у различных групп населения, как боролись оккупационные и местные власти за умы и сердца населения оккупированных территорий.

¹⁰ Occupants, occupés, 1792– 1815. Actes du colloque de Bruxelles, 29–30 January 1968. Bruxelles, 1969.

Кстати, последняя из перечисленных здесь проблем двумя годами ранее обсуждалась также на XII Международном конгрессе по историческим наукам в Вене¹¹.

Потеснившая структурализм историческая антропология не обошла вниманием и военную историю. В изучении мировых войн XX в. это произошло чуть раньше, в изучении войн XIX столетия – чуть позже. А уже с середины 1990-х гг. в зарубежной историографии военной истории в полный голос заговорили об «антропологическом повороте», который довольно быстро затронул и отечественную историографию¹². Началось становление новой отрасли исторической науки – военно-исторической антропологии.

Сегодня проблематика военно-исторической антропологии активно осмысливается как на теоретическом, так и на конкретно-историческом уровнях. При этом «человеческое измерение» войны рассматривается как междисциплинарное, требующее системного рассмотрения с привлечением методов целого ряда наук. Чаще всего в поле зрения историков оказываются вопросы, связанные с повседневной жизнью гражданских лиц в условиях постоянных контактов с иностранными военными. В этом военная история сегодня тесно связана с изучением национальной идентичности, этнических взаимовосприятий, мультикультурализма, мифологизации общественного сознания, с исследованиями по социальной и исторической психологии и т.д.

Вместе с тем история оккупаций изучается неравномерно: подавляющее большинство соответствующих конкретно-исторических исследований посвящено двум мировым войнам, а опыт оккупации, к примеру, периода Наполеоновских войн даже с фактологической стороны освещен во многом фрагментарно и односторонне. В целом же изучение военных действий все еще преобладает над историей оккупации, а описание взаимодействия гражданского населения оккупированных территорий с иностранными военными сводится преимущественно к описанию тягот реквизиций и разнообразных эксцессов.

Значительно большего внимания исследователей заслуживают механизмы координации действий оккупационных администраций с местными властями, а также повседневные практики вза-

¹¹ См.: Comité international des sciences historiques. 12^e Congrès international des sciences historiques, Vienne, 29 août-5 septembre 1965. Bilan du monde en 1815. P., 1966.

¹² Подробнее см.: *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59.

имодействия мирного населения с оккупантами. В гораздо более углубленном изучении нуждается целый ряд связанных с этим вопросов. Какова была официально декларируемая политика интервентов по отношению к гражданскому населению и как она реализовывалась «на земле»? Какое место в управлении оккупированными территориями занимали меры устрашения? Как официальные установки оккупационного командования по организации взаимодействия с местными жителями влияли на повседневные практики подчиненных ему военнослужащих? Каковы были механизмы перерастания пассивного сопротивления населения оккупированных земель (отказ выполнять должностные обязанности, уклонение от реквизиций, сокрытие ценностей и т.п.) в активное? Какие факторы провоцировали конфликты между иностранными военными и гражданским населением, побуждая последнее оказывать вооруженное сопротивление оккупантам? Сколь организованный характер носило такое сопротивление? В каждом изучаемом случае необходимо принимать во внимание то, о каких конкретно воинских частях идет речь применительно к оккупации военного времени того или иного населенного пункта.

Что касается исследований, выполненных за последние годы по проблематике военно-исторической антропологии, то здесь можно констатировать заметное смещение исследовательского интереса к изучению понятий «свой – чужой» и механизмов формирования образа врага в различных вооруженных конфликтах¹³, анализу вневойсковых социальных и социально-демографических феноменов¹⁴, исследованию общественного мнения и отношения к тому или иному военному конфликту внутри страны¹⁵. Подобные работы ориентированы в первую очередь на изучение не столько событий, сколько людей и феноменов их сознания. В них поставлен целый ряд вопросов, ответы на которые в каждом отдельном случае получаются разными в зависимости от конкретной специфики. Каковы были образы оккупантов в сознании населения окку-

¹³ См., например: *Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012; *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016.

¹⁴ См., например: *Земцов В.Н.* Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М., 2018; *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2.

¹⁵ См., например: *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.

пированных территорий и как иностранные военные или администраторы (союзники или враги) воспринимали местное население? Какие существовали «горизонты ожидания» гражданского населения по отношению к иностранному вторжению и оккупации? Различалось ли отношение к оккупационным войскам у разных социальных слоев оккупированного населения и зависело ли оно от историко-культурных особенностей региона? Эволюционировало ли со временем отношение гражданского населения к оккупационным войскам и в каком направлении? Какова была мотивация и формы сотрудничества местных жителей с представителями оккупационных властей? Как взаимные контакты оккупантов и оккупированного населения периода оккупации влияли на формирование национального самосознания? Как в исторической памяти поколений закрепились образы, сложившиеся в момент первой встречи гражданских с оккупантами. Взаимное восприятие воюющих сторон, отражения войны в ощущениях и психических состояниях, видение войны гражданским населением, представления об оккупации в массовом сознании – детальная проработка всех этих проблем тем более важна, что национальные нарративы об «оккупации» нередко играют определяющую роль в формировании и функционировании официальных версий исторической памяти и той идентичности, которая базируется на подобных нарративах.

В этой связи сегодня специалисты по военно-исторической антропологии уже ставят задачу определения того общего во всех войнах и оккупациях, что влияет на психологию социума в целом. Пока, правда, дело ограничивается по большей части именно постановкой задачи: так, попытки компаративистского анализа иностранных оккупаций Франции в 1814, 1815–1818, 1871–1873, 1914–1918 и 1940–1944 гг., попытки провести некие параллели, ограничиваются констатацией самых общих моментов: французы, накануне войны уверенные в своей скорой победе, были разочарованы, не ожидая такого поворота событий, когда их великие армии и славные полководцы, мягко говоря, не оправдали возлагавшихся на них надежд¹⁶.

Настоящий выпуск «Французского ежегодника» представляет собой попытку коллективного исследования, выполненного в тематическом русле военно-исторической антропологии и посвященного широкому спектру проблем, связанных с исто-

¹⁶ См., например: *Guerrin Y. La France après Napoléon: invasions et occupations, 1814-1818. P., 2014. P. 8.*

рией иностранной военной оккупации как опыта межкультурного контакта. Этот коллективный труд подводит промежуточный итог работе группы представителей ряда научных центров Российской Федерации (В.Н. Земцов и А.А. Постникова – Екатеринбург, А.В. Гладышев – Саратов, А.В. Чудинов – Москва) над проектом «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (грант РФ № 16-18-10041). Вместе с тем тематика статей, представленных в настоящем сборнике, далеко выходит за хронологические рамки Наполеоновских войн. Это позволяет исследовать проблематику иностранной оккупации как опыта межкультурного контакта не только на более широком фактическом материале, но и с применением более широкого спектра исследовательских методик и методологических подходов.

Список литературы

- Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136-159. [Gladyshev A.V. Antropologicheskij povорот v voennoj istorii // Dialog so vremenem. 2017. Выр. 59. S. 136-159.].
- Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. [Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyj slovar' inostrannyh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy. Moskva: ООО ИФ «Azbukovnik», 2008].
- Земцов В.Н.* Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. [Zemcov V.N. Napoleon v Rossii: sociokul'turnaya istoriya vojny i okkupacii. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2018].
- Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1998. [Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inostrannyh slov. Moskva: Rus. yaz., 1998].
- Москвин А.Г.* Большой словарь иностранных слов. М.: Центрполиграф, 2007. [Moskvin A.G. Bol'shoj slovar' inostrannyh slov. Moskva: Centrpoligraf, 2007].
- Пикте Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1993. [Pikte Zh. Razvitie i principy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava. Moskva: МККК, 1993].

- Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 3-е изд., доп. и испр. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1907. [Popov M. Polnyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkom yazyke. 3-e izd., dop. i ispr. Moskva: T-vo I.D. Sytina, 1907].
- Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. [Prusskaya E.A. Francuzskaya ehkspediciya v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvuh civilizacij. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2016].
- Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Политическая энциклопедия, 2016. [Promyslov N.V. Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2016].
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. Ф. Павленкова. 2-е изд. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1907. [Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka / Pod red. F. Pavlenkova. 2-e izd. SPb.: Tipografiya Yu. N. Erlih, 1907].
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. 3-е изд. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1910. [Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka. Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannyh slov v russkoj literaturnoj rechi / Sost. pod red. A.N. Chudinova. 3-e izd. SPb.: Izd. V.I. Gubinskogo, 1910].
- Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 336-365. [Tchoudinov A.V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda. M.: IVI RAN, 2012. S. 336-365].
- Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 25-41. [Tchoudinov A.V. «Soldaty svobody» ili smertel'nyj vrag? Francuzy v YUzhnoj Italii 1798-1799 gg. // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2016. № 2. S. 25-41].

- Blondeau B.* Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Dombes. Lyon: Société d'Études Historiques, Révolutionnaires et Impériales, 2013.
- Comité international des sciences historiques. 12^e Congrès international des sciences historiques, Vienne, 29 août - 5 septembre 1965. Bilan du monde en 1815. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966.
- Debbash O.* L'occupation militaire: Pouvoirs reconnus aux forces armées hors de leur territoire national. Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1962.
- Delbez L.* Manuel de droit international public: avec les textes fondamentaux. Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1948.
- Guerrin Y.* La France après Napoléon: invasions et occupations, 1814-1818. Paris: Harmattan, 2014.
- Merquiol A.* Les Occupations étrangères en France au XIX^e siècle. Thèse pour le doctorat en droit de l'Université de Aix-Marseille. Nice: Imprimerie de l'Éclaireur de Nice, 1944.
- Occupants, occupés, 1792– 1815. Actes du colloque de Bruxelles, 29–30 January 1968. Bruxelles: Université Libre, Institut de Sociologie, 1969.
- Roger A.* L'Occupation de la France par les Alliés en 1815 (juillet-novembre). Thèse pour le doctorat (sciences politiques et économiques) de l'Université de Paris. Paris: E. de Boccard, 1924.

Andrei V. Gladyshev

THE OCCUPATION AS A SUBJECT OF MILITARY ANTHROPOLOGICAL STUDIES

The history of military conflicts in Modern times is closely linked to the subject of occupation: it's difficult to find a power that was not familiar with this phenomenon in its past. In military history, an event-driven approach prevailed for a long time, and if the authors worked on the phenomenon of occupation, they were interested in its economic, legal or political aspects. At the same time, the concept of «occupation» was semantically ambiguous, and studies on the history of occupation were mostly concerned with World wars. The development of military anthropological studies has raised a number of new issues for researchers: mutual perception of the opposing sides, the reflection of war in humans' feelings and mentality, the vision of war by the civilian population, the idea of occupation in the

mass consciousness of contemporaries and in the historical memory. The subject of occupation has acquired a «human dimension». The cross-cultural approach is particularly fruitful in this respect, which includes the search for common cultural factors that determine the effectiveness of communication in the conditions of social and psychological stress and cultural shock caused by military occupation.

Keywords: war, occupation, intervention, military-historical anthropology, cross-cultural analysis